

С расставленными точками над i и перечеркнутыми буквами t со своей стороны Гарри и Гермиона вместе со всеми доброжелателями в своей жизни ждали того дня, когда пройдет регистрация `` Harmonian Magiks " как частной корпорации, и они могли начать продавать свои товары. Как и было в волшебном мире, ничто хорошее не могло случиться так быстро, и они натолкнулись на первый камень преткновения еще до того, как получили своего первого клиента.

Министерство направило Гарри письмо, в котором говорилось, что компания, которую они предлагали создать, серьезно нарушила различные законодательные акты, которые либо уже существовали, либо собирались официально оформить на предстоящем заседании Визенгамота. Гарри и Гермиона были в ярости, они редко злились, но уловка закона, который все еще не вступил в силу, было чрезмерно справедливым, это было почти так, как если бы они изучали приложение для «Harmonian Magiks», а затем придумали новый закон. Когда они попросили о встрече с соответствующим отделом, занимающимся заявкой, их вместо этого направили к министру магии.

Гарри, Гермиона, Тед и Энди Тонкс встречались с министром и дамой, удивительно похожей на жабу в розовом кардигане. Тед посоветовал Гарри и Гермионе заняться этим делом, поскольку он был адвокатом, и они имели преимущество, когда дело касалось юридических лиц; в нынешнем законодательстве говорится, что их компания является законной, и именно на этом они собираются сделать упор, кого волнует или будет знать о новом законодательстве, которое Министерство собиралось принять, чтобы остановить только одну компанию. Все они знали, что это, вероятно, была попытка в ответ на популярность «Мальчика-который-выжил» и никак не связана с самой компанией. Гарри и Гермиона также не могли избавиться от давнишнего ощущения, что Дамблдор каким-то образом стоит за всем этим в его ошибочной попытке контролировать Гарри, доведенном до грани, «Поттеры» не собирались оставлять дело без внимания. Если нужно, они снимут большие пушки, в том числе, используя популярность Гарри, которого он ненавидел, чтобы свергнуть правительство, если потребуется. Они надеялись, что это не зайдет так далеко, поскольку это будет означать, что Амелии Боунс, которая вскоре станет Черной, придется надеть мантию, чего она не очень хотела. Все чувствовали, что сохранение Фаджа на высшем посту позволит им манипулировать им не только в своих интересах, но и в интересах всего волшебного мира в целом. Вскоре, чтобы стать Блэк, ей пришлось бы надеть мантию, чего она не хотела.

«Министр, не могли бы вы рассказать нам, почему мы встречались с вами, а не с руководителем регистраций и магических контрактов, и почему сообщение было отправлено моему клиенту, а не мне? Я зарегистрированный поверенный мистера Поттера, и поэтому я должен был с вами связаться, вы хотели, чтобы он вообще отказался от этого вопроса? " - серьезно спросил Тед.

Гарри наблюдал за министром, пытаясь оценить его эмоции, но блеск в глазах женщины его более чем встревожил. Если он был подозрительным мужчиной и начинал превращаться в него, эмоций в женщине было достаточно, чтобы сказать ему, что позиция Министерства была направлена на него, а не на компанию, которую он предлагал создать, и это вызывало у него раздражение. Теперь, когда он был охвачен крестражем в нем и его скрытое животное проснулось, Гарри начал чувствовать себя враждебно настроенным против дискриминационного отношения, преобладающим в Министерстве, и ему не терпелось сразиться с ними. Только присутствие Гермионы и уверенность в хитрой стратегии, которую

они разработали со взрослыми в своей жизни, сдерживало его.

Женщина ответила своим болезненным сладким голосом вместо министра: «Министерство обнаружило нарушения в вашем заявлении...», но прежде чем она смогла сказать что-нибудь еще, вмешался Гарри: «... а вы кто?»

Гарри мог уловить скрытый гнев, который она хорошо скрывала, но недостаточно хорошо, чтобы Гарри и Гермиона пропустили: «Я мадам Амбридж, старший заместитель министра».

«Это все хорошо, но какое у вас здесь дело? Нас не только направили из нужного отдела, но и мы должны встретить кого-то, кто, очевидно, не играет никакой роли в разбирательстве?» Гарри не давал ей времени болтать, явно пытаясь запугать их или произвести на них впечатление. Гарри и Гермиона, однако, встречались с гораздо более влиятельными в политическом и магическом отношении людьми, и их ничуть не впечатлили или не запугали.

Амбридж ошетижилась, но успешно сдержала себя: «Я заместитель министра и, конечно, имею право находиться здесь».

«В самом деле? Вы здесь в качестве советника министра? Вы хорошо разбираетесь в контрактах и правилах, необходимых для создания компании?» Гарри подколот ее.

«Ты наглый, я чистокровный. Я много знаю о контрактах», - возмущенно пробормотала она.

Даже министр знал, что она переступила черту, когда прибегла к обзыванию, и поэтому дала Гарри законную возможность позвонить ей из-за ее наглости. «Ты можешь быть чистокровным, но я наследник старинного и благородного дома. Ты ничто, даже не второстепенный дом; я вполне вправе осуждать тебя за твою сквернословие».

«Поттеры могут быть благородным домом, но вы испорчены нечистой кровью, общаетесь с существами, и теперь вы позволяете магглам получать прибыль от волшебного мира», - сказала она, и ее лицо покраснело от напряжения.

Гарри хотел наброситься и действительно причинить женщине боль, но знал, что они победили. Теперь, когда встреча подверглась тому, что это было, тактике запугивания, Гарри был готов к своему ответу: «В моем заявлении не было ничего плохого, не так ли? Вы всего лишь хулиган. признает, что ваш советник сквернословил наследника знатного дома, вы производите впечатление слабака. Не думайте, что я собираюсь бросить это дело, я покажу вашу дерзость всему миру. " Несмотря на то, что это было произнесено со спокойной уверенностью, в голосе Гарри была врожденная сила, которая должна была быть предупреждением для министра и его лакея.

Амбридж, однако, не закончилась, "... и не думайте, что мы позволим вам уйти бесплатно. Ваше отношение к министру и ваша готовность нанять грязных существ будут воспитаны в Визенгамоте. Вы будете строго наказаны и суровы. ваша магия связана, вас отправят обратно к

тем же магглам, от которых произошла ваша мать, и вы сами так сильно любите ». Это было сказано с насмешкой в адрес Гермионы, и это стало последней каплей для Гарри.

Когда его аура вспыхнула наружу, взгляд Гарри стал ледяным, когда он пристально посмотрел на двоих: «Хорошо, давай посмотрим, кто будет смеяться последним». С этими словами он целенаправленно вышел из офиса вместе с Гермионой и Тонкс с опозданием на секунду. Они проигнорировали хриплый призыв министра и перезвонившую им Амбридж, несмотря на угрозы и обзывания, которые должным образом проигнорировали.

«Все могло бы пройти хорошо», - вздохнула Гермиона, как только они вышли из здания Министерства и вошли в Косой переулок. Она понимала и тонко завуалированные угрозы, направленные в ее адрес, но могла игнорировать большинство из них.

Энди сразу же отказал ей: «Нет, Гермиона, это было именно так, как должно было быть. Было бы намного лучше, если бы Фадж сказал что-нибудь, а не оставил бы имя своей подхалимке».

«Не уверена, что понимаю», - искренне озадачилась Гермиона. Она придерживалась мнения, что им было бы лучше, если бы они не шли на «Молоток и щипцы» с Министерством, но ее определенно возмутило их фанатизм.

«Мы доказали им, что не отнесемся к их попыткам запугать нас легкомысленно, мы пригрозили пойти против них на Wizangemot, если они продолжат свое высокомерие или выкручивание рук. Это определенно заставит их задуматься», - считает Тед.

Энди, который знал больше о чистокровной политике, но имел более прямую причину для празднования: «Гарри - наследник благородного дома Поттеров, он имеет полное право делать то, что хочет, и другие древние и благородные дома были бы в ярости, если бы знали, как министр пытался грубо обуть его. Его попытку привнести новые идеи для защиты домов, а также сделать жизнь всех других ведьм и волшебников более безопасными, следует приветствовать с распростертыми объятиями, а не резкими комментариями ».

Гермиона все еще не могла понять, почему это так важно. Гарри никогда не обсуждал с ней политику чистокровных, поскольку они оба были против кастовой системы, преобладавшей в волшебном мире. Но теперь казалось, что они собираются погрузиться в это, и если они захотят что-то изменить, им тоже придется быть лидерами. Гермионе также пришлось бы изучить тонкости и политиканство, поскольку она собиралась стать следующей леди Поттер, признает она это или нет, поэтому Гарри должен был объяснить ей это: «Вы должны понять Гермиону, что У Древних и Благородных домов есть свое собственное почетное место. Был ли заработан их статус и актуален ли он сегодня, неважно, любой, кто попытается подорвать такой дом, объединит все остальные Благородные дома против них.

Тед понял, что Гермиона не имела никакого отношения к политике чистокровных, и поэтому уточнил: «Тот факт, что Гарри не достиг совершеннолетия и пока не является главой дома, не имеет никакого значения. Преимущество доверчивой будущей головы, и это вызовет недоумение у традиционалистов. Существует всего двенадцать древних домов, и почти

половина из них уже связана или дружна с Домом Поттеров: Блэк, Боунс, Лонгботтом, Эбботт, в то время как такие дома, как Гринграсс, Маккиннон и Макмиллан нейтральны, но немедленно примут сторону Гарри, если почувствуют угрозу ».

«А что насчет Малфоя, разве он не станет противиться Гарри?» Гермиона хотела знать.

Гарри усмехнулся, и к нему присоединились две Тонкс, хотя у Энди был более темный оттенок, и именно она дала ответ: «Семья Малфоев - не древний дом. Они даже не были английскими аристократами; они попали в Визенгамот через покупку места после того, как вымерла одна из первых семей держателей. Ходили слухи, что Малфой на самом деле убил последнего живого члена семьи, просто чтобы попасть в законодательную организацию. Нет, если Малфой попытается что-нибудь против Гарри, он будет потоптан вниз другими благородными семьями, и именно поэтому он никогда не выносит решения или даже секунды для этого. Он любит оставаться за кадром, раздавать деньги, как конфетти, и изображать для дураков таких людей, как Амбридж и Фадж ».

Гарри красиво резюмировал это для них: «Эта попытка, вероятно, была уловкой Малфоя, чтобы попытаться поставить меня в тупик. Боюсь, что это была всего лишь прелюдия к чему-то серьезному, что-то связанное с Волан-де-Мортом и его пожирателями смерти. Я знаю это по мои кости », - вздохнул он с сожалением.

Незначительный перерыв

Насколько серьезна была ситуация, стало очевидно через несколько дней. Сириус получил вызов на сессию Визенгамота, которая должна была обсудить введение нового закона, который должен был объявить оборотней существами и наложить на них ограничения. Хотя не было никаких указаний на то, кто предлагал законопроект, он станет известен на сессии только после того, как он будет внесен на рассмотрение; на нем определенно была написана Долорес Амбридж. Этот факт был явно очевиден, когда Гарри, как наследник семьи Поттеров, его не получил, а это означало, что либо это была попытка исключить его, либо место по доверенности занимал кто-то другой. Амелия сказала ему, что Дамблдор действительно имел право голоса на место Поттера по доверенности, и эту ситуацию Гарри очень хотел исправить.

Итак, впервые на заднем дворе Грейнджер прошло собрание всех, кто связан с Гарри и Гермионой дружбой, семьей или бизнесом. Они устроили пикник, приглашая даже молодежь, хотя только Сьюзен не участвовала напрямую и по ассоциации, ее лучшая подруга Ханна. Удивительно, но как только стало известно об обсуждении, старшие Эбботты также пригласили себя, как Невилл и его бабушка, грозная Августа Лонгботтом.

Сьюзан, Ханну и Невилл пригласили принять участие в дискуссии, поскольку они были следующими в очереди на пост главы своих домов, и это оказалось для них хорошей тренировкой. Большинство из них надеялись, что до этого пройдет еще немного времени, но для Сьюзен это произойдет раньше, чем позже, поскольку она станет следующей леди Боунс, как только Амелия станет чернокожей в конце года.

Дискуссия в основном была сосредоточена на том, как противодействовать законодательству, так как не было другой мысли, кроме как отразить его. Хотя все знали, что Ремус будет напрямую затронут законом, если он будет тщательно проработан, Гарри больше беспокоили долгосрочные последствия. Гарри и Гермиона были совершенно уверены, что они смогут заставить Ремуса занять неофициальное положение в их компании или даже позаботиться об огромном количестве владений Блэка и Поттера и, таким образом, сохранить его на работе, но сама мысль о том, чтобы подчиниться несправедливости, была неприемлема. им.

«Речь идет не о Ремусе», - чуть не крикнул Гарри Сириусу, когда обсуждение начало выходить из-под контроля и превращаться в демонстрацию фаворитизма. К счастью, Ремуса не было, так как он был занят контактами с несколькими оборотнями, которые были пресыщены своим недугом и не хотели причинять вред другим. Это была попытка заставить их сдать кровь и, если возможно, образцы тканей для предстоящего исследования физиологии оборотней и улучшения зелья «Волчий яд». Все надеялись, что новости о возможном законе не дойдут до разных кланов оборотней, что усложняет им жизнь.

Все были озадачены этим, но все еще не могли понять его мысли, и поэтому Гермиона пояснила: «Почему не все согласны с тем, что законодательство не отвечает интересам прогресса волшебного мира? Почему вы должны думать, что это должно было быть только против Гарри или нашей компании? Разве вы не понимаете, что, если этот закон вступит в силу, мира в этом мире будет очень трудно достичь?» Гермиона очень развлекала родителей.

«Я, например, убежден, что закон был не идеей женщины Амбридж, а скорее попыткой, так сказать, подорвать светлую сторону», - говорил Гарри с убеждением, которое было трудно не заметить.

Однако Амелия все еще не была убеждена: «Почему можно сказать, что такой человек, как Люциус Малfoy, должен что-то делать, чтобы запретить оборотням оставаться на работе?»

Гарри и Гермиона переглянулись, и это означало: «Насколько толстыми они могут быть?» но воздерживались от выражения каких-либо других эмоций на их лице. Они были возмущены тем, что взрослые в их жизни все еще позволяли всему идти своим чередом, вместо того, чтобы делать что-то конструктивное. Даже Амелия, глава правоохранительных органов, довольствовалась тем, что позволяла спящим собакам лежать, вместо того, чтобы звонить министру Фаджу и Амбридж по поводу их вопиющего пренебрежения к тем, кто не был чистокровным. Тон, который не пропустил бы даже малыш, Гарри спросил: «Каким будет первое желание того, кого загнали в угол?»

К счастью, Сьюзен очень быстро уловила: «Они восстанут», - воскликнула она широко раскрытыми глазами.

Гермиона поблагодарила ее с благодарной улыбкой: «... и кого мы знаем, что это определенная угроза миру и стабильности, и проявляла ли она большую или меньшую активность в последние два года после более чем десяти лет молчания?» Это было похоже на то, что тебя кормили с ложки, и никто не мог не заметить этого.

«Как вы думаете, за этим стояли какие-то последователи Сами-Знаете-Кого?» - спросил Невилл с ощутимым страхом в голосе.

«Волан-де-Морт», проигнорировав вздрогнув при этом имени, Гарри двинулся вперед, «был тем, кто предложил Оборотням возможность утолить свой дикий аппетит, дав беспрепятственный доступ к немагическим и маглорожденным. Если я не ошибаюсь, в последний раз он был почти у власти в то время, когда число недавно укушенных людей увеличилось астрономически. Их деятельность почти прекратилась после Хэллоуина 1981 года, сообщив нам, что именно влияние Волан-де-Морта вызвало массовую волну атак ».

«В настоящее время почти никто не желает поверить в то, что угроза его возвращения все еще существует», - объяснила Гермиона, - «... и если оборотни доведены до отчаяния, и Волан-де-Морт придет, обещая им свободное правление или даже возмездие тем, кто заставил их, так сказать, прятаться, разве они не бросятся к его знамени немедленно? " "

Мадам Лонгботтом вздохнула и подытожила все мысли: «Все мы знаем, что Люциус Малfoy - стойкий сторонник Сами-Знаете-Кого, и если бы он знал, что его хозяин пытается вернуться, он сделал бы все, что в его силах, чтобы гарантировать, что . " "

Сцена перерыв

Хотя Гарри ненавидел выступать перед публикой, особенно с теми, кого он считал бесхарактерными и не желающими вводить более строгие правила, чтобы обуздать угрозу пожирателей смерти, ему пришлось пойти в Визенгамот, чтобы назначить Сириуса доверенным лицом на место Поттера. Его тревога усиливалась из-за того, что Гермиона не будет рядом с ним в этом случае, она сможет наблюдать за происходящим только из общественной галереи. И места Блэка, и Поттера принадлежали Дамблдору, и неудивительно, что он использовал эти голоса, чтобы почти всегда засовывать сессию в тупик, прежде чем можно было принять какие-либо значимые законы. Никаких серьезных изменений в законодательстве не произошло за более чем десять лет, пока Сириус находился в заключении, и это почти всегда происходило из-за того, что Дамблдор не проявлял инициативу в внесении изменений. Это также было причиной, по которой силы авроров боролись с проблемами бюджета и почему пожирателям смерти и их сочувствующим было позволено уйти безнаказанно с их дискриминационным отношением. Однако положительным моментом тупика было то, что ничего, что вредно для населения в целом, также не было принято, но это должно было измениться из-за законопроекта против оборотней, который выдвигала мадам Амбридж.

Несмотря на то, что предложенный закон был просто провозглашением или, скорее, намерением изменить существующие законы на данный момент, он уже рекламировался как верный закон, гарантирующий ограничение свободы оборотней, даже до ратификации Визенгамотом. Большинство сторонников Темного лорда Волан-де-Морта открыто поддерживали его, в то время как традиционалисты, сформировавшие большой блок, не определились. Традиционалисты, возглавляемые Дамблдором и часто поддерживаемые мадам Лонгботтом, не хотели серьезных изменений в образе жизни и считали любые революционные законопроекты вредными для своих ценностей. Несмотря на то, что некоторые законы предназначены для широкой публики, они обычно хранят молчание или помогают провести менее радикальные изменения.

Это все было на грани изменения, поскольку один мальчик стремился произвести столь необходимую революцию в образе жизни волшебного мира и даже сумел изменить позицию самой стойкой из сторонников Дамблдора, мадам Лонгботтом. Под ее руководством остальных традиционалистов можно было бы заставить увидеть причину и осуществить столь необходимую модернизацию застойного мира, но, во-первых, скрытые мотивы таких людей, как Фадж, Амбридж и Малfoy, которые могли сыграть на руку Волдеморту, должны были оттолкнули и быстро.

Когда участники начали переходить, многие бросили любопытные взгляды не только на Сириуса, но и на Гарри. Присутствие Сириуса было легко объяснить, но присутствие несовершеннолетнего вызвало недоумение, но, сидя среди группы, состоящей из мадам Боунс, мадам Лонгботтом, лорда Эбботта и лорда Блэка, никто не осмеливался протестовать. Единственной, кто даже приблизился к возражению, была мадам Амбридж, но быстрое шепотом слово министра Фаджа заставило ее замолчать, и она только прибегла к насмешкам над Гарри.

Когда судебный писец начал проводить опрос, Дамблдору и остальным стало ясно, что скоро на политической сцене произойдут серьезные изменения. Сириус был должным образом допущен без промедления и дал клятву, но настоящий шум начался, когда было объявлено место Поттера. Дамблдор объявил себя доверенным лицом на место, и Гарри встал, чтобы опровергнуть это утверждение и назначить Сириуса доверенным лицом на свое семейное место. Когда Гарри поднялся, чтобы заговорить, Дамблдор попытался перебрать имена присутствующих участников, но никто из других участников не был готов ответить на переключку и сам ждал, пока Гарри узнают. Некоторые из них действительно сочувствовали Оборотням и выступали против всеобщего фанатизма в их мире, в то время как другие были очарованы славой «Мальчика-Который-Выжил». а другие просто ждали, чтобы увидеть, как он выставит себя дураком. Не получив желаемых ответов, Дамблдор наконец признал поражение и был вынужден позволить Гарри говорить.

Гарри поднялся, его колени почти дрожали от того, что он не думал выставлять себя дураком. Он глубоко вздохнул, но одного взгляда в глаза его лучшего друга и будущей жены, полные гордости за него, было достаточно, чтобы успокоить его. Вытянув свою лучшую ногу, образно говоря, и выпрямившись, Гарри произнес формальным тоном: «Меня зовут Гарри Джеймс Поттер, наследник Древнего и Благородного дома Поттеров...» его прервали громкие вздохи, исходящие от почти всех присутствующих. камера. Гарри был немного озадачен такой реакцией. «Конечно, они знали это», - подумал он, но его отвлекли благоговение перед лицом Гермионы и ее легкий кивок головы, который означал, что он посмотрел на себя.

Гарри посмотрел вниз и был потрясен, увидев, что он светился ярко-золотым цветом, и это длилось около десяти секунд. Когда свечение закончилось, он был поражен, почувствовав вес твердого золотого кольца с тем, что он знал, когда герб Поттера оседал на его левом безымянном пальце; и, подняв глаза, он поймал, что Гермиона украдкой прикрывала и свой левый безымянный палец, но с веселой и немного озорной улыбкой. Хотя он не мог догадаться, что произошло и как Гермиона была затронута произошедшими событиями, он догадался, что какое-то кольцо, которое идентифицировало ее как его предназначение, появилось и на ее пальце; несколько раз магия была странной. Хотя это было по меньшей мере шокирующим, никто не был готов выразить свое недовольство; это было старое волшебство, решившее объявить Гарри Джеймса Поттера главой дома Поттеров, а не его Наследником.

Взглянув на Сириуса, Гарри увидел его сияющую улыбку, которая была тем же выражением на лице Амелии, которое контрастировало с Дамблдором, Фаджем и несколькими людьми, такими как Малфой, Крэбб и Гойл. Дамблдор не был счастливым туристом, и если Гарри пришлось описать эмоции на его лице, это было как у капризного ребенка. Однако самым забавным было смотреть на Амбридж, которая выглядела так, будто проглотила особенно неприятный жук.

Прежде чем кто-либо успел что-либо сказать, судебный писец зачитал из пергамента, лежавшего у нее на столе: «Я обязан сообщить этому благородному собранию, что в состав Визенгамота пополнение. Лорд Гарри Джеймс Поттер принят. магией своего дома как глава дома и полностью эмансипировавший себя как признанный взрослый ".

На этот раз ропот был приглушен, так как большинство участников признали, что это древняя магия в действии; у них не было ни права оспаривать свой выбор, ни желания это делать. Одно только это заявление позволило некоторым сиделкам сесть и обратить внимание на Гарри Поттера в благоприятном свете. У большинства из них теперь был шанс заключить союз с домом Поттера, если они могли соблазнить его жениться на дочерях в их доме, не то чтобы им это удалось, поскольку большинство из них по-прежнему считали Гермиону только своим другом. Ни пара, ни взрослые в своей жизни не пытались исправить свою ошибку, но те, кто уловил или увидит кольцо на пальце Гермионы, поймут, насколько тщетными будут эти попытки.

Услышав подтверждение того, что он понял по появлению кольца главы дома на его пальце, Гарри разочарованно вздохнул: «Почему его жизнь была такой сложной?» - подумал он, но с другой стороны, он был безумно счастлив, что магия его предков приняла Гермиону в качестве своей будущей жены, и теперь они были обручены, как он предполагал. Собираясь с мыслями и поскольку он все еще ожидал, что он заговорит, Гарри продолжил там, где сказал: «... Я благодарю вас всех за то, что вы узнали меня как главу Дома Поттеров, но я хотел бы объявить, что, поскольку я все еще учусь в школе, я не сможет присутствовать на заседаниях этого благородного собрания. Поэтому я назначаю своего крестного отца, лорда Блэка, своим доверенным лицом для голосования ».

По жесту Гарри, который был его сигналом, Сириус встал и произнес: «Я, Сириус Блэк, глава древнего и благородного дома Блэков, принимаю на себя ответственность, возложенную на него лордом Поттером. Я также торжественно заявляю, что буду выполнять свои обязанности наилучшим образом. моих способностей и будьте честны с Домом Поттеров ".

Дамблдор был разочарован, события должны были развиваться не так, и он все больше и больше терял контроль над Гарри. До сих пор он, по крайней мере, имел доверенность для голосования, но теперь он тоже проиграл этот голос; с другой стороны, Люциус Малфой, который надеялся, что закон о борьбе с оборотнями будет принят без оспаривания, теперь потерял контроль над Визенгамотом, и, судя по реакции нескольких нейтральных членов в доме, Дамблдор ожидал, что они примут сторону Хауса. Поттер, а, может быть, это был толчок, необходимый для того, чтобы вырвать контроль над Визенгамотом в сторону «светлой» стороны?

Он стукнул по гравия, который требовал внимания всего дома. «Спасибо, лорд Блэк и лорд Поттер. Ваши заявления приняты к сведению. Теперь, если вы займите свои места, мы

перейдем к теме сегодняшней дискуссии». Затем он повернулся к человеку, сидящему рядом с министром магии, и обратился к ней: «Мадам Амбридж, как та, кто хотел внести законопроект, вы должны убедить членов голосовать от вашего имени. Поскольку это законопроект, и не закон, не должно быть единогласного голосования, достаточно большинства ». Сказав это, Дамблдор жестом пригласил женщину взять слово.

В ответ на вызов Дамблдора, Амбридж вышла на сцену, в переносном смысле, конечно, поскольку она не сдвинулась со своей позиции, но Гарри мог видеть искусно замаскированный яд в ее глазах, который был направлен на него. Он мог догадаться, что тот факт, что его теперь признали главой дома Древнего и Благородного дома, мог посадить пчелу в ее шляпку. Поскольку ее отношение к любому, кто не был чистокровным, было очевидно во время их встречи с министром, Гарри мог догадаться, что теперь, когда он был вознесен на авторитет, намного превосходящий ее собственное положение, Амбридж пришлось прикусить язык, чтобы не рисковать санкциями против ее за то, что она плохо ругала главу Дома Поттеров, даже если он был полукровкой. В тот момент, когда Амбридж начала свою речь, изображая оборотней как монстров, она потеряла большую часть поддержки со стороны менее известных домов, и по их реакции было очевидно, что они считали эту тактику направленной против тех, кого она считала ниже себя. Для Гарри или Гермионы, сидящей в публичной галерее, было действительно неудивительно, что в риторике, которую продемонстрировала мадам Амбридж, не было ничего нового. По ее обыкновению, ее речь в основном была сосредоточена на том факте, что они были звери, и им не разрешалось работать или даже вести приличный образ жизни. Она изобразила их как угрозу для общества и что они должны быть истреблены, а не развращать общество своим зловонием.

Как ни странно, ее язвительность на самом деле помогла некоторым из более терпимых членов Церкви отказаться от поддержки законопроекта. Они также прекрасно понимали, что присутствие Гарри Поттера в доме говорит о том, что он категорически против этого законопроекта, и им нужно было это переварить. Многие из них вспомнили связь Ремуса Люпина, известного оборотня, с Домом Поттеров, а также его роль профессора в Хогвартсе. Члены, у которых были дети в школе и которых он обучал, должны были признать, что их дети никогда не подвергались опасности даже в период полнолуния.

Примерно через 30 минут после избиения мертвой лошади у мадам Амбридж кончился свежий материал, который можно было извергнуть против оборотней, а также на отведенное ей время. Как и в школьных дебатах, сейчас настало время для всех, кто выступал против законопроекта, чтобы высказать свои взгляды, и, что удивительно, довольно многие были готовы, возможно, в попытке произвести впечатление на «Мальчика-который-выжил» или из искренних побуждений. Заботы об обществе в целом никто не знал. Еще до того, как некоторые из членов смогли попросить о возможности выступить, Главный Маг снова стукнул по гравиям и объявил: «Дом Поттеров направил формальную просьбу дать Визенгамоту возможность сообщить об их положении в публично, и я не мог найти никаких причин, чтобы не удовлетворить их просьбу ». Дамблдор посмотрел на Гарри: «Я уступаю слово лорду Гарри Джеймсу Поттеру».

После многих дискуссий Гарри и Гермиона решили держаться подальше от Волдеморта, а также от своего намерения нанять Ремуса в свою компанию. Их больше интересовало разъяснение членам реальной озабоченности и опасности для общества в целом, если потенциально опасных оборотней загнать в угол. У них был большой шанс нанести ответный удар и смертельно разорвать их мир на части.

Гарри ухватился за шанс залезть к мыльнице нетерпеливыми руками и, что удивительно для человека, который никогда не хотел быть в центре внимания, он почувствовал, что это шанс изменить общество к лучшему. Он также не чувствовал себя нервным или особенно смелым, но стоял с уверенностью в глазах и перешел на очищенную территорию, которая находилась в центре камер и использовалась в основном для осмотра заключенных, а не как сцена для выступления. Это был осознанный шаг, поскольку Гарри чувствовал, что он хотел, чтобы все видели, что он не боится отстаивать свои взгляды, а также намеревался сделать это как пренебрежение к Амбридж, которая осталась стоять на своем месте. Он также чувствовал, что передвижение было лучшим способом подавить его нервозность, и, глубоко вздохнув, начал противодействовать счету мадам Амбридж.

В середине своего контраргумента Гарри набрал обороты и с энтузиазмом начал защищать оборотней: «Они не рождены для своей судьбы, в отличие от кого-то, кого мы знаем, кто родился уродливым...», - его прервали потоки смеха. очевидные раскопки в Амбридж. Она сердито смотрела на него, но в данный момент не могла ничего сказать. Замечания Гарри уже подействовали на большинство участников, но это добавило новое измерение в его аргументы, да, оборотни были опасны, но они не захотели повернуться.

Дамблдор, пытаясь сделать выговор Гарри, нечаянно зажег огонь: «Лорд Поттер, пожалуйста, воздержитесь от личных замечаний». Это усилило радостные возгласы в зале, к ужасу Амбридж и Фаджа.

Гарри немедленно поднял руки в жесте капитуляции: «Мне очень жаль. Мне очень жаль, я не хотел никого обидеть, но я хотел подчеркнуть, что оборотни родились обычными ведьмами или волшебниками, некоторые из них могли даже быть. чистокровные ". Шепот согласия прокатился по собранию; Гарри не хотел упоминать кровный статус в своих аргументах, но непреклонное использование Амбридж чистокровных почти в каждом из ее утверждений побудило его противостоять ей, используя ее собственные аргументы.

Почувствовав позитивный настрой собрания, он продолжил: «Совершенно очевидно, что большинство из них отталкиваются обществом, а затем вынуждены искать убежища у других людей, подобных им. Их почти всегда избегают и заставляют прибегать к мелким преступлениям или даже сдавать в аренду в качестве нарушителей спокойствия и убийц. Мы этого хотим? Мы хотим довести их до отчаяния, а затем оплакивать их преступления, некоторые из которых, я хотел бы отметить, были совершены нами по собственному желанию? »

Гарри увидел, что большинство людей в галерее и большинство членов Визенгамота энергично кивали головами в ответ на его страстный диалог: «Я бы не стал рисковать и говорить, что Министерство несет ответственность за то, чтобы увидеть это. оборотни, по крайней мере те, которые готовы заняться достойной работой, должным образом трудоустроены. Я знаю и согласен с тем, что для них было бы практически невозможно принуждать каждого оборотня к трудоустройству, но это наша ответственность как граждан чтобы действительно побудить их найти работу, и если мы сможем предложить им достойную работу, не так ли? Это единственный способ вывести их с улиц, а также снизить уровень преступности и недовольства среди оборотней. Я считаю, что если бы им представился шанс, они были бы более чем готовы к мирной жизни. Я имею в виду, что никто не жаждет крови по своей природе, воспитание играет в этом важную роль ».

Тяжело вздохнув, Гарри переключил передачу: «Семья Поттеров всегда поддерживала средства, направленные на удовлетворение потребностей общества; но даже несмотря на то, что было принято обязательное завещание, оно было запечатано, и из-за этого большая часть пожертвований от Фонда Поттера была высушенными». Гарри бросил резкий взгляд на Дамблдора, который запечатал волю его родителей; его тонкий гнев на главного чернокнижника также привлек внимание большинства нейтральных семей, которые умели делать пожертвования, когда это было необходимо, и поэтому держались подальше от конфликтов. Все больше и больше людей начали понимать, насколько их бездействие в противодействии ограничивающим законам на самом деле привело к тому, что общество погрязло в анархии и кумовстве.

«Министерство обязано обеспечить, чтобы каждый гражданин жил свободно и без преследований, но я готов взять на себя расходы по обеспечению каждого оборотня зельем «Волчий яд»». Его заявление было беспрецедентным, поскольку большинство богатых были заинтересованы только в том, чтобы накопить свое богатство или использовать его для достижения своих собственных целей, но, тем не менее, было встречено бурными аплодисментами. Им было стыдно за самоотверженные поступки подростка, который был готов встать на защиту обездоленных и попытаться оказать положительное влияние на общество.

Гарри продолжил говорить, что заставило собрание быстро затихнуть: «В качестве средства для этого я с гордостью объявляю о начале «Фонда Лили Поттер», который не только покрывает расходы на приготовление зелья, но и финансирует исследования для постоянного излечения или, по крайней мере, лучший вариант лечения».

Это было встречено новыми аплодисментами, и даже попытки Дамблдора молчать были проигнорированы. Гарри был благодарен за то, что аплодисменты позволили ему вернуться на свое место, но его также воодушевило то, что, несмотря на то, что лести исходили скорее от публичной галереи, некоторые из более традиционных членов Визенгамота хвалили его инициативу. Он просто надеялся, что некоторые из них действительно подадут пример, разрушив барьеры не только против оборотней, но и против других рас, таких как гоблины и домашние эльфы, не то чтобы он верил в это, но он мог только с нетерпением ждать этого.

В галерее для посетителей Гермионе ненавязчиво удавалось сосредоточиться на лицах тех немногих, кто был известен как пожиратели смерти. Их идея о том, что счет был попыткой довести оборотней до отчаяния, а затем предоставить им дорогу, попросив их присоединиться к рядам Волан-де-Морта, оказалась проницательной. Люциус Малfoy, который предложил законопроект и уговорил Амбридж и Фаджа повесить его в Визенгамоте, вместе с другими пожирателями смерти практически кипел от разворота, возглавляемого в основном нейтральными членами, такими как лорды Гринграсс, Дэвис и Макмиллан. Излишне говорить, что их реакция вне всяких сомнений доказывала, что большинство пожирателей смерти знали, что Волдеморт не мертв, а просто торопил свое время, чтобы захватить волшебный мир. Гермиона старалась сосредоточиться на каждой из их целей, чтобы другие могли видеть ее воспоминания. Пришло время перейти в наступление на организацию, которая была проклятием мира в волшебном мире, независимо от того, был ли ее лидер активен или нет, в этот момент не имело значения.

Излишне говорить, что законопроект умер преждевременной и ужасной смертью, и подавляющее большинство его отвергло; Малfoy и его друзья воздержались при голосовании,

что само по себе говорило. Присутствие Гарри и его страстное осуждение несправедливости в их мире были настолько революционными, что леди Лонгботтом удалось собрать достаточно поддержки, чтобы осудить мадам Амбридж, что было способом предотвратить ее посещение Визенгамота в ближайшем будущем.

<http://tl.rulate.ru/book/74732/2099732>